

МУСУЛЬМАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ТАТАРСТАНА: КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Автор: Я. З. ГАРИПОВ, Р. В. НУРУЛИНА

ГАРИПОВ Ягфар Закирович - кандидат философских наук, доцент Камской государственной инженерно-экономической академии (E-mail: tatgarip@yandex.ru). НУРУЛИНА Роза Вагизовна, кандидат социологических наук, старший преподаватель той же академии (E-mail: ernuru@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса конфессиональной социализации и ценностных ориентаций мусульманской молодежи в контексте формирования толерантных отношений в российском обществе¹. Эмпирическую базу исследования составили результаты и выводы, полученные в ходе опроса учащихся-шакирдов мусульманских учебных заведений.

Ключевые слова: мусульманская молодежь * толерантность * конфессиональная социализация * ценности * межконфессиональные отношения

Процесс религиозного возрождения, ставший в последние десятилетия весьма значимым явлением российской действительности, актуализировал проблему конфессиональной социализации молодежи. Конфессиональная социализация - это процесс освоения индивидом догматов, норм, правил, ценностей конкретной религиозной общности, формирование на этой основе собственной духовной культуры и способности реализовать себя в качестве члена религиозной общины.

Целью, критерием и результатом успешной социализации выступает личность, способная стать субъектом поликультурного российского общества, необходимой характеристикой которой выступает межконфессиональная толерантность. Под межконфессиональной (религиозной) толерантностью понимается терпимое отношение к догматам различных конфессий, характеру религиозности, особенностям литургии и т.д., а также к инакомыслящим (в том числе и неверующим).

Ввиду определенных проявлений в общественном сознании религиозного экстремизма, для российского и международного сообщества несомненный интерес представляют особенности социализации мусульманской молодежи в Республике Татарстан (далее РТ), зарекомендовавшей себя как регион с устойчиво-стабильными в исторической перспективе толерантными межконфессиональными отношениями. Весьма важна в этом контексте позиция учащихся религиозных учебных заведений, т.к. данные образовательные учреждения проводят подготовку специалистов в области богословских исследований, профессионального мусульманского духовенства, преподавателей исламских учебных заведений и учреждений непрофессионального образования. Именно от них будут во многом зависеть этноконфессиональные отношения в регионе в ближайшие годы.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров в рамках проекта "Социализация мусульманской молодежи в контексте современного исламского радикализма: на примере учащихся и выпускников мусульманских медресе и вузов Татарстана".

Исходя из этих положений, отделом истории общественной мысли и исламоведения Института истории Академии наук РТ был проведен массовый опрос шакирдов - учащихся мусульманских учебных заведений РТ. Цель исследования - изучение процесса конфессиональной социализации и ценностных ориентаций шакирдов в контексте проблемы формирования толерантных отношений. Применялся метод сбора социологической информации - персональное интервьюирование при помощи формализованной социологической анкеты². Для определения степени валидности социологической анкеты в апреле 2008 г. был проведен "пилотаж", в котором участвовали 45 респондентов (19 - из Российского исламского университета, г. Казань, 26 - из Альметьевского медресе).

Основное (массовое) исследование шакирдов было проведено в сентябре-декабре 2008 г., в ходе которого было опрошено 558 респондентов в восьми мусульманских учебных заведениях РТ, из них - три в Казани, в том числе в двух исламских вузах. В анкетировании также приняли участие пять средних медресе, расположенных в городах и районных центрах: Нижнекамске, Альметьевске, Буинске, Нурлате и Уруссу. Для отбора респондентов была применена квотная выборка. Параметры квот соблюдались по четырем показателям (курс обучения, отделение (дневное, вечернее); этнический состав; пол). География проживания респондентов обширна, однако преобладает Татарстан (57%), а также области Поволжья и Приуралья (22%). Около 20% респондентов приехали учиться из других регионов России и Ближнего Зарубежья. Такая структура выборочной совокупности по территориальному составу соответствует характеру распределения всего массива шакирдов по учебным заведениям региона³.

Исследование предполагало проведение экспертного опроса методом интервью (опрошено 30 человек), в качестве экспертов выступили: ведущие преподаватели мусульманских учебных заведений, а также организаторы и наиболее активные участники II фестиваля мусульманской молодежи Приволжского федерального округа [Гарипов 2009 (2)]. В каждом учебном заведении было опрошено до трех преподавателей (всего 20 человек, из них 17 мужчин, 3 женщины); 10 человек организаторов и наиболее активных участников II фестиваля мусульманской молодежи (5 девушек, 5 юношей). Использовался метод полуструктурированного интервью, где первая часть - биографическая, вторая состояла из сформулированных вопросов и выявляла персональное мнение специалистов на ряд общественных проблем, связанных с их деятельностью, причем темы беседы варьировались в зависимости от вида этой деятельности. Опрос проводился летом-осенью 2008 г.

Таким образом, достоверность выводов обеспечивалась сочетанием методов (количественных и качественных), применением апробированного инструментария. В качестве материала для сравнения привлекались опубликованные результаты молодежных исследований, проведенных ранее в Татарстане и России.

С позиций социологии значительный интерес представляет процесс становления личности учащегося мусульманского учебного заведения. Формирование религиозно-нормативной обусловленности его субкультуры и образа жизни, своеобразной направленности ценностных ориентаций, по всей видимости, детерминировано особыми условиями и влиянием специфических факторов социализации.

² Теоретико-методологические основы исследования, а также инструментарий см. с. 13 - 73 [Гарипов..., 2009 (1)].

³ Наличие предварительных данных по генеральной совокупности позволило применить при формировании выборки метод основного массива. По статистическим данным в ведении ДУМ РТ находится 11 средних и высших учебных заведений, где на 01.09.08. на очном (дневном) и очно-заочном (вечернем) отделениях обучалось 1089 человек. Опрошенные 558 человек составляют 51% генеральной совокупности, следовательно, выборочная совокупность в достаточной мере представляет генеральную, что гарантирует сведение ошибки репрезентативности до минимума (не более 5%) [Горшков..., 2009, с. 193 - 214].

Определяющая часть (70%⁴) будущих шакирдов воспитывались в полных семьях с родными родителями, причем почти половина из них - выходцы из многодетных семей (три и более детей - 46,5%). Имущественное положение у большинства семей среднее: к "обеспеченным" относятся 40% опрошенных, к "зажиточным" 23,5%, к "богатым" относятся лишь 6%, "нищие" и "бедные" семьи представлены незначительно (2% и 4,5% соответственно)⁵. Что касается профессий родителей, то среди отцов в равной степени представлены городские рабочие (29,5%), жители села (29%), и группа, в которую были включены представители интеллигенции, руководители (в основном низшего уровня) и предприниматели (27%). Среди матерей примерно равные доли домохозяек (17%), городских рабочих (20%), жительниц села (23,5%) и представительниц группы "интеллигенция, начальники, бизнесмены" (21,5%). Большинство родителей имеет среднее (в том числе и среднее специальное) образование (около 70%), высшее - только 20%, и только 5% получили религиозное образование. По мнению экспертов, *"Контингент в основном из деревень и рабочих семей"* (Интервью 6).

Несмотря на то, что предыдущее поколение (родители) формировалось в условиях атеистической идеологии, большинство респондентов считают своих родителей верующими мусульманами (60% указали, что все члены семьи являются верующими, хотя религиозные предписания выполняют в полной мере лишь 31,5%, остальные выполняют частично или не выполняют совсем). Это соответствует данным социологических исследований религиозности молодежи десятилетней давности, согласно которым, в Татарстане к верующим относили себя более 70% опрошенных, причем среди них 28% старались соблюдать религиозные обычаи и обряды, а 43 % их не соблюдали [Современные..., 2000: 48].

Приведенные выводы, однако, не согласуются с распространенной точкой зрения, что современная российская семья не является для детей авторитетом в вопросах веры: "В российских семьях вплоть до самого последнего времени религиозные впечатления остаются... "решением", принимаемым нередко на фоне активного межпоколенного конфликта - мировоззренческого, поведенческого, социального, конфессионального, психологического и т.д." [Безрогов, 2002: 115 - 136]. В качестве альтернативы во многих источниках описана религиозная преемственность между поколениями бабушек и их внуками, осуществляемая через голову родителей.

Действительно, бабушка и дедушка нередко упоминаются в качестве значимых агентов социализации. *"Когда был маленьким, бабушка и дедушка заложили основы, обучили некоторым молитвам..."* (Интервью 4). *"Мои прабабушка и прадедушка читали намаз, уже моя бабушка не читала намаз, потому что это уже советские годы были, хотя она считает себя верующей, читала молитвы, считает себя мусульманкой. В детстве она просила написать ей молитвы в тетрадку, я думаю, что это были первые шаги, которые впоследствии привели меня к религии"* (Интервью 30).

Однако половина шакирдов (52%) воспитывалась в семьях без бабушек и дедушек, тем не менее, процесс конфессиональной социализации был достаточно успешным. По-видимому, 20 лет религиозного возрождения привели к качественным изменениям ситуации: более 80% респондентов находятся в возрасте от 14 до 23 лет, это молодые люди, сформировавшиеся после 1988 г. в условиях религиозного либерализма, это уже, по сути, второе поколение верующих. Их родители пришли в ислам в 1990-е гг., они являются мусульманами, хотя некоторые выполняют религиозные предписания частично. В настоящее время можно, по всей вероятности, констатировать, что разрыв межпоколенной связи постепенно преодолевается.

"Родители отличались от других, держали уразу... были религиозными людьми. Но когда они смогли делать это открыто, у них уже почва была готова... миссионеры давали уроки, они (родители) активно в этом участвовали. Мой отец даже немного знал арабский, его отец и тесть научили. В районе они в деревнях давали уроки."

⁴ Здесь и далее доля в % от общего числа респондентов.

⁵ За основу взята градация по материальному положению, предложенная Л. А. Беляевой [Беляева, 2007].

С одной стороны, это, а с другой, в 1990-е гг. национальное движение татарское очень сильно было, это было параллельно..." (Интервью 24). "Да, наверное, родители только и повлияли. Их влияние было решающим" (Интервью 6). "Родители всегда твердили, чтобы я читала намаз, и много говорили о рае" (Из анкеты).

Друзья в жизни шакирдов играют такую же большую роль, как и в жизни всех молодых людей. Общение с друзьями - самый популярный вид досуга. В вопросах: "Где получали информацию об исламе и религиозной жизни до медресе?", "При каких обстоятельствах приняли решение поступить в религиозное учебное заведение?", "Кто или что в настоящее время оказывает наибольшее влияние на ваше мировоззрение?" - во всех случаях друзья занимают 4 - 5-ю позицию после религиозных институтов, родителей и родственников.

Религиозные организации, служители религии и исламская литература становятся значимым фактором социализации достаточно поздно - в подростковом возрасте или еще позже. Возможно, в том числе и потому, что все эти институты не были в то время (10 - 15 лет назад) достаточно развиты. Сейчас открываются детские сады для мусульманских детей, организуются воскресные школы при мечетях, летние лагеря, издаются детские книги, развивается детский спорт и т.д.

Приоритетным направлением деятельности учебных заведений, подведомственных Духовному управлению мусульман РТ, является подготовка религиозных кадров, воспитание духовенства, готового служить российской умме с учетом вековых традиций российского ислама. Согласно данным из официального сайта Духовного управления, несмотря на наличие достаточно большого количества исламских учебных заведений, на сегодня лишь 15% сельских имамов имеют высшее духовное образование, часть имамов не имеют никакого религиозного образования, мечети нуждаются в высококвалифицированных кадрах священнослужителей⁶.

Однако исследование показало, что стать имамом в мечети после окончания учебы намереваются лишь 8,5% респондентов. Кроме того, не все студенты высших и средних мусульманских учебных заведений планируют в дальнейшем связать свою профессиональную деятельность с религиозной сферой: преподавать религиозные дисциплины собираются 21%, продолжать обучение в религиозном учебном заведении собираются 28%.

Сложившаяся ситуация обусловлена, по мнению экспертов, рядом объективных причин. *"Раньше был институт махалля. Студент, заканчивающий медресе, возвращался или приглашался в поселок, и эта махалля (община) полностью смотрела за ним, обеспечивала его, содержала его самого и семью. Сегодня этот институт полностью разрушен, духовные лица не имеют авторитета в обществе. Эта проблема существует, я знаю шакирдов, которые возвращались к себе на родину и в течение года-двух понимали, что их материальные потребности не удовлетворяются. Я знаю шакирдов, которые на стройке работают, некоторые уходят в коммерческие структуры"* (Интервью 4). *"Слабая финансовая сторона... многие не находят (материальной) поддержки... удовлетворительных условий для себя, чтобы жить, содержать семью, развиваться... поэтому уходят"* (Интервью 7). Но не все эксперты придерживаются одинаковой точки зрения в данном вопросе. *"Ну, если сказать, что это связано с материальной стороной, то это, наверное, есть возможность заинтересовать многих лиц в своей деятельности. Все зависит от человека, от характера"* (Интервью 3).

В среде мусульманского духовенства финансовые проблемы решаются различными способами, к примеру, широко распространена практика совмещения духовной и светской работы. Более половины опрошенных преподавателей имеют помимо религиозного образования светскую специальность, либо иной дополнительный источник доходов. Своих студентов руководители и преподаватели мусульманских учебных заведений также призывают получать дополнительное светское образование. *"...практика показывает, что только религиозного образования не хватает"*

⁶ URL: <http://e-islam.ru> (дата обращения 3.07.2008).

(Интервью 4). *"Они (выпускники) рады бы работать (только) в религиозной сфере, но параллельно им приходится работать и в других (местах)"* (Интервью 3). Около половины опрошенных нами шакирдов к моменту исследования уже имели другую (светскую) профессию. Более 30% одновременно с медресе посещают занятия в различных светских учебных заведениях, начиная от вечерней школы (12%), заканчивая вузами (14%), в том числе и весьма престижными, такими, как Казанский государственный университет.

Для определенной части респондентов именно светское образование является основным, учеба же в медресе не имеет профессиональной направленности. Мусульманскими руководителями признается, что задачи, стоящие перед религиозными учебными заведениями, не сводятся только к подготовке специалистов, способных удовлетворить духовные потребности прихожан. Верховный муфтий РТ Г. Исхаков (в начале 2011 г. он покинул этот пост по собств. желанию - прим. ред.) неоднократно обращал внимание на то, что на религиозное образование необходимо взглянуть шире, в контексте решения нравственных проблем всего общества: *"Наша цель - подготовка нового поколения татарской интеллигенции, способной активно участвовать в возрождении и оздоровлении татарского общества, деформированного советской властью. Это очень важная проблема не только для религиозных деятелей, но и для всего общества"* [Цит. По: Мухамедшин, эл. рес].

На данный момент в Татарстане подобная прослойка общества (мусульманская интеллигенция) скорее отсутствует. *"Наша интеллигенция на 99,9% светская"*. (Из выступления ректора РИУ Р.М. Мухаметшина на II фестивале мусульманской молодежи ПФО). *"Мусульмане, которые разбираются в религии, имеют недостаток в светских знаниях, либо у нас есть люди, которые имеют светские знания, но недостаточно сведущи в религиозной сфере. Пока такой прослойки общества, которая смогла бы совмещать и то и другое, нет"* (Интервью 4).

Религиозное образование и воспитание означает не только и не столько передачу знаний, сколько формирование конфессиональных чувств, становление личности с соответствующим мировоззрением, ценностными ориентациями. Анализ ценностных ориентаций учащихся мусульманских учебных заведений не выявил заметных расхождений с определяющими жизненными ценностями российской молодежи в целом. Для мусульман наиболее значимо в жизни: возможность жить по законам ислама (53%), здоровье (43%), счастливая семейная жизнь (41,5%), знания (26%). Для сравнения приведем данные В. Е. Семенова, где обобщены данные ряда исследований по России от 2002 до 2006 гг. Среди жизненных ценностей лидирует семья (от 70 до 89%), друзья (49 - 82%), здоровье (48 - 78%), интересная работа (29 - 55%) [Семенов, 2007].

В наименьшей степени молодых мусульман привлекают ценности, мало совместимые с требованиями их религии: карьера (4%), полезные знакомства (6%), самореализация (6,5%), личная свобода, а также труд и работа по призванию (обе позиции набрали по 7%). Непопулярность первых можно объяснить приоритетом у религиозной молодежи духовных ценностей, отсутствием у них выраженной мотивации к социальным достижениям и престижу. Личная свобода и самореализация характеризуют в основном систему ценностей современного либерально-демократического общества, ислам же ориентирует своих приверженцев преимущественно на традиционные коллективистские ценности.

Приволжский федеральный округ является регионом тесного взаимодействия тюрко-мусульманской и славяно-христианской культур. Он является одним из самых густонаселенных, в то же время здесь самая низкая доля русских по сравнению с другими округами и здесь же проживает наибольшая часть татар РФ: почти три четверти татар России (73,2%). В совокупности русские и татары - это 82% населения ПФО, составляя соответственно 69% и 13%. В Татарстане по переписи 2002 года татары составляют 52,9%, русские - 39,5% населения республики [Мусина, 2008, с. 172 - 174].

Ряд авторов рассматривают конфессиональную социализацию в тесной взаимосвязи с этнической [Сафин, 2007; Ходжаева, Шумилова, 2008; Социология..., 2003].

Ориентация на сохранение религиозных традиций татар-мусульман, по мнению исследователей, зачастую сочетается со стремлением членов родительской семьи сохранить этнические традиции и язык, что приводит к тому, что более исламизированная татарская молодежь чаще, чем другие, общается дома на татарском языке. Опросы среди молодежи республики показали, что почти половина практикующих мусульман говорит дома только на татарском, и более одной трети - общается в кругу семьи и на русском и на татарском языках в равной степени. Ориентация на сохранение языка в семьях традиционных мусульман проявляется еще и в том, что они чаще отдают своих детей в школы с татарским языком обучения (39%) [Ходжаева, Шумилова, 2008].

Более 80% наших респондентов идентифицируют себя с татарским этносом⁷. При этом исключительно свой родной язык используется в домашнем общении у 44% шакирдов-татар, преимущественно татарский - еще у 23%, в одинаковой степени татарский и русский - у 16%. Язык обучения в медресе также призван способствовать развитию чувства национального самосознания молодых мусульман. Половина респондентов указали, что имеет место обучение на татарском языке в той или иной степени. Тех, кто активно использует татарский язык в общении вне занятий еще больше - 64%. Выбор языка преподавания в том или ином учебном заведении, по мнению экспертов, обусловлен потребностями контингента: *"Мы не недооцениваем татарский язык. Здесь учатся шакирды разных национальностей ... Во-вторых, цель уроков -передать знания, надо, чтобы они понимали, используется способ более доступный. Третье - язык никак не связан с религией, если какой-то язык и связан с исламом, то это арабский"* (Интервью 6). Тем не менее для многих руководителей и преподавателей развитие татарского языка представляется в целом желательным явлением. *"Конечно, хотелось бы, чтобы в будущем наш университет, хотя бы на 50% вел преподавание на татарском (языке). Об этом многие мечтают. И преподаватели и сотрудники"* (Интервью 3). *"В планах - перейти преимущественно на татарский язык"* (Интервью 2). В некоторых медресе обучение уже ведется исключительно на татарском языке. *"Они здесь (в нашем медресе) обучаются татарскому языку, пишут сочинения, читают художественную литературу, религиозную литературу... все (предметы) на татарском языке... у нас даже не только ребята из Татарстана, из Оренбурга, Якутии, Северной Осетии, Башкирии, Удмуртии, Кирова, Ульяновска... они все у нас учатся татарскому языку"* (Интервью 5). Следует также отметить, что, по нашим данным, готовы обучаться преимущественно на татарском языке 68% шакирдов. Несмотря на это, тест Куна-Макпартленда свидетельствует, что этническая самоидентификация респондентов несопоставима по своей значимости с конфессиональной. По частоте упоминаний она во многом уступает другим базовым идентичностям (мусульманин, член семьи, человек, индивид, личность, пол, занятие и т.п.).

Для национальных (этнических общностей) качество образования, в том числе и религиозного, определяется и этнической составляющей, той ролью, которую эта система выполняет в процессах этнической социализации. Возможности применения татарского языка в мусульманских медресе большей частью обусловлены домашним языковым воспитанием, а также языком обучения в школе (см. табл.). В контексте этносоциологии в мусульманском сообществе региона в настоящее время выделяются две основные группы. В первую входят национально ориентированные индивиды, для которых религиозные и национальные традиции неразрывно связаны, а религия во многом является фактором сохранения национальной идентичности. Во вторую - религиозно ориентированные, для них ислам - это, прежде всего, мировая религия, изначально не связанная с определенной национальной традицией, а если и связанная, то, скорее с арабской, чем с татарской. Существование второй группы обусловлено

⁷ Помимо татар в мусульманских учебных заведениях республики обучаются: представители других национальностей, традиционно исповедующих ислам (9,5%), иные религии (русские и пр. - 2,5%), потомки смешанных браков и др. (5%).

Возможность функционального продвижения татарского языка в системе мусульманского образования молодежи в зависимости от языка домашнего общения и школьного обучения (в %)

Варианты ответа	Говорили дома / Получили образование в школе				
	Только на татарском языке	В основном на татарском	В равной степени на татарском и русском	В основном на русском	Только на русском языке
Смогли бы учиться в медресе преимущественно на татарском	92/94,1	79/89,8	72,5/85,7	42,1/61,8	31,3/40,6

особенностями исламского возрождения в России начала 1990-х гг., когда в условиях утраты большей части собственных религиозных традиций важную роль сыграла деятельность иностранных миссионеров.

Сложившаяся ситуация во многом определяет противоречивость позиции мусульманской молодежи по национальному вопросу: около 70% опрошенных молодых мусульман считают, что ислам не акцентирует внимание на этнических различиях и должен быть единым для всех народов, 76% согласны с тем, что, общаясь с людьми, надо ориентироваться на их личные качества, а не на национальность. Но при этом более половины опрошенных отмечают, что всегда помнят о своей этнической принадлежности (т.е. национальная идентичность для них является значимой), около половины хотели бы воспитывать детей в традициях татарской культуры либо преимущественно татарской с использованием элементов русской и других культур. Аналогичная ситуация возникла при попытке выяснить отношение шакирдов к проблеме так называемого "русского" (т.е. русскоязычного) ислама.

Ведение богослужения и проповеди на русском языке в некоторых мечетях республики, по мнению ряда представителей творческой татарской интеллигенции, может препятствовать процессу языкового и культурного возрождения татар и способствовать их дальнейшей ассимиляции. Часть мусульманского духовенства поддерживает данную точку зрения, другие (из числа "религиозно ориентированных") считают, что ислам прежде всего должен быть понятен и доступен, а третьи признают обоснованность и той и другой позиции. *"Ислам должен быть доступным. В обязанности служителей культа не входит сохранение татарского языка и культуры"* (Интервью 2). *"В мечети, в которых проповедь идет только на татарском языке, молодежь не ходит, или процент этой молодежи маленький. Более важное для нас - сохранять религию"* (Интервью 4). *"С одной стороны, нужно донести (учение ислама) до всех, а значительная доля тех же татар... не владеют татарским языком. С другой стороны, у молодежи не будет интереса к народному языку, татарскому... поэтому надо выбрать более оптимальные пути"* (Интервью 12).

Столь же неоднозначны и взгляды представителей учащейся молодежи: 57% считают, что в мечетях, которые посещают верующие разных национальностей, удобнее пользоваться русским языком в качестве языка межнационального общения, 42% находят использование татарского языка в мечетях Татарстана важным, т.к. мусульманская религия выступает культуuroобразующим фактором для татарской нации.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что этническая составляющая в процессе социализации мусульманской молодежи, несомненно, детерминирует формирование и развитие религиозности, конфессионального самосознания и способствует повышению уровня конфессиональной идентичности индивида. Особую роль в этом процессе играет этноязыковая ориентированность семейной социализации. Но данная корреляция не является двусторонней, т.е. высокий уровень религиозности мусульманина сам по себе не является определяющим в развитии этнического самосознания и этнокультурной направленности личности.

Особенности этноконфессионального развития региона, а также определенной укорененности в общественном сознании проблемы религиозного экстремизма актуализировали изучение взглядов учащейся мусульманской молодежи на межнациональные и межрелигиозные отношения. Для того, чтобы выяснить отношение к русским (православным) как к доминирующей этноконфессиональной группе, была предпринята попытка применения в исследовании шкалы Богардуса (шкалы социальной дистанции). В качестве материала для сравнения использовались данные молодежного проекта, осуществленного в 2001 г. в РТ под руководством Р. Н. Мусиной. Согласно этим данным, более 82% татарской и русской молодежи готовы видеть представителей контактируемого этноса в качестве коллеги, 75 - 80% - в соседском или дружеском общении, около 75% татар и русских вполне приемлют отношение дружбы с православными и мусульманами [Мусина, 2008: 180].

Наш опрос показал, что близких друзей среди православных (русских) готова иметь лишь половина респондентов (48,5%), 74,5% - работать с христианами в одном коллективе, 86% - общаться с ними как с соседями и т.д. Можно констатировать, что уровень толерантности молодых мусульман в целом сопоставим с общим уровнем толерантности в регионе.

Религиозная толерантность в настоящее время расширилась до терпимого отношения вообще к инакомыслящим, в том числе и неверующим или непрактикующим верующим. Нас интересовало отношение представителей мусульманской молодежи не только к другим конфессиям, но и к представителям секулярной части общества. В итоге, к ним доброжелательно и скорее доброжелательно относятся 46,5% учащихся, спокойно (безразлично) - 17,5%, скорее отрицательно и отрицательно - 24%. Испытывают по отношению к неверующим сочувствие 31,5% опрошенных, жалость - 31%, равнодушие - 10,5%, горечь - 15%, опасения и настороженность - 11%. Последнее, возможно, связано с тем, что пятая часть шакирдов в течение своей жизни сталкивались с несправедливым отношением по отношению к себе, связанным с их религиозными убеждениями.

При исследовании степени толерантности учащихся мусульманских учебных заведений нами была сделана попытка затронуть правовые аспекты данной проблемы. На вопрос "Соблюдаются ли в России права христиан?" большинство респондентов ответили положительно, а на вопрос "Соблюдаются ли в России права мусульман?" самым распространенным стал ответ "в чем-то соблюдаются, а в чем-то нет". Само по себе такое распределение ответов вполне предсказуемо и, в общем, представляет собой субъективную оценку ситуации. Тем не менее эти данные в определенной степени позволяют оценить уровень социального самочувствия молодых мусульман в России, которое выступает одним из факторов, влияющих на формирование толерантных/интолерантных установок сознания.

Тем респондентам, которые выразили сомнение по поводу правового статуса мусульман в РФ, был предложен следующий вопрос: "В чем, по вашему мнению, в России нарушаются права мусульман?" Несмотря на четкую формулировку, вопрос был понят достаточно широко и стал поводом для размышлений о проблемах российских мусульман в целом. Решение некоторых из них возможно усилиями самого мусульманского сообщества и не требует вмешательства государства, другие могут быть урегулированы при участии местных, региональных либо центральных органов власти. Наконец, есть проблемы, решение которых в рамках светского государства представляется труднодостижимым.

На первом месте - отсутствие возможности последовательно выполнять предписания ислама ("поддержка религии в том виде, в котором она ниспослана" - из анкет). Молодых людей беспокоит армия, т.к. там не созданы условия для мусульман (нет халяльной пищи, нет возможности совершать намаз и т.д.), девушки сетуют на то, что нельзя фотографироваться в платках, что дресс-код на многих предприятиях противоречит хиджабу. На работе мусульмане зачастую не имеют возможности совершать в положенное время намаз как и в общественных местах (вокзалы) и пр. На втором месте недостаточно уважительное, предвзятое отношение к мусульманам, непонимание, чрезмерная подозрительность со стороны общества в целом.

Часть вопросов в анкете обусловлена стремлением исследовать конфликтный национальный и религиозный потенциал молодых мусульман. Как показали результаты, около 40% респондентов считают, что в любых межнациональных спорах человек должен защищать интересы своей нации, половина опрошенных не согласна с тем, что национальная принадлежность всегда будет разъединять людей. На вопрос "Каковы будут ваши действия, если в том месте, где вы живете, произойдут столкновения на религиозной почве?" 47% респондентов ответили: "Я сделаю все возможное, чтобы уговорить людей прекратить это", а еще 21% вообще не представляют себе подобной ситуации на месте своего проживания. Для сравнения приведем данные по Ставропольскому краю 2004 г. (опрашивалось секулярное население и представители религиозных общин различных конфессий): "Сделал бы все от меня зависящее, чтобы уговорить людей прекратить это" - 29%, "Вообще не представляю себе такой ситуации на месте своего проживания" - 20%. При этом, несмотря на сравнительно низкие (по сравнению с Татарстаном) показатели, авторы исследования трактовали ситуацию как достаточно благоприятную для конфликтного региона [Авксентьев, Бабкин, Хоц, 2006].

Таким образом, сопоставление результатов исследований среди населения различных субъектов РФ позволяет утверждать, что учащиеся мусульманских учебных заведений демонстрируют уровень толерантности, в целом соответствующий общему уровню межнациональных и межрелигиозных отношений в Республике Татарстан, зарекомендовавшей себя как один из наиболее устойчивых и гармоничных регионов нашей страны [подробнее о результатах см. Гарипов..., 2009с; Мухаметшин..., 2010].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авксентьев В. А., Бабкин И. О., Хоц А. Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе // Социол. исслед. 2006. N 10. С. 41 - 47.
- Безрогов В. Г. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях // Развитие личности. 2002. N 4 С. 115 - 136.
- Беляева Л. А. И вновь о среднем классе России // Социол. исслед. 2007. N 5. С. 3 - 13.
- Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В. Социализация мусульманской молодежи (на примере учащихся мусульманских учебных заведений Татарстана) // Мониторинг общественного мнения. 2009а. N4, 5 (с. 92 - 93).
- Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В. Социальные и этноконфессиональные установки мусульманской молодежи // Человек. 2009в. N 1. С. 42 - 48.
- Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В. Мусульманская молодежь Татарстана: социализация, ценности, толерантность. Казань: Изд-во ДУМ РТ, 2009с.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология. Методология и методы. Учебное пособие. М.: "Альфа-М", "Инфра-М", 2009.
- Мусина Р. Н. Толерантность/интолерантность этноконфессиональных отношений в полиэтническом регионе // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан: Сб. науч. статей / Сост. и ред. Р. Н. Мусина, Л. В. Сагитова. Казань: 2008. С. 171 - 189.
- Мухаметшин Р. М. Система мусульманского образования в постсоветском Татарстане. <http://www.archipelag.ru/authors/muhametchin/?library=1228>.
- Мухаметшин Р. М., Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В. Особенности конфессиональной социализации мусульманской молодежи Татарстана (Российская Федерация) // Исламские исследования (Кувейт). 2010. N 4. (На арабском языке).
- Сафин Р. Р. Межэтнические отношения в Республике Татарстан: особенности влияния образа "Чужого" на этническую идентичность студенческой молодежи основных этнических групп. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Казань, 2007.
- Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социол. исслед. 2007. N 4. С. 37 - 44.
- Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность / Я. З. Гарипов, Р. И. Зиннурова, К. М. Миннуллин и др. Казань: РИД "Школа", 2000.
- Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003.
- Ходжаева А. А., Шумилова Е. А. Типы религиозности татарской молодежи Республики Татарстан: по материалам массовых опросов первой половины 2000-х годов // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан: Сб. науч. статей. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 171 - 189.